

О.В. Розинская

О Борисе Савинкове – человеке, писателе, террористе (по воспоминаниям современников)

Аннотация: В статье Борис Савинков представлен в разных аспектах своей деятельности: как руководитель Боевой организации партии эсеров, ярый противник Советов, – и как писатель, поэт, публиковавший свои произведения под псевдонимом Ропшин. Неоднозначный, сложный характер Савинкова раскрывается в воспоминаниях его современников, с которыми он общался в эмиграции: Д. Философова, Д. Мережковского, З. Гиппиус, М. Волошина, А. Амфитеатрова, К. Вендзягольского. Опираясь на эти материалы, автор статьи выстраивает свою концепцию личности Савинкова-Ропшина, в судьбе которого, как и в судьбе героев его произведений, отразилась история России.

Ключевые слова: Савинков-Ропшин, Боевая организация партии эсеров, эмиграция, воспоминания, Д. Философов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Волошин, А. Амфитеатров, К. Вендзягольский

Abstract: In the article Boris Savinkov is presented not only as the head of the fighting squad of Socialist-Revolutionary Party, an ardent opponent of the Soviets, but as a writer, a poet, who published his works under the pseudonym of Ropshin. The complex personality of Savinkov disclosed in the memories of his contemporaries with whom he communicated in the emigration: D. Filosofov, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, M. Voloshin, A. Amfiteatrov, K. Vendzyagolsky. Based on these materials, the author builds his concept of Ropshin-Savinkov, in whose fate, as in the fate of the characters of his works the history of Russia was reflected.

Key words: Savinkov-Ropshin, the fighting squad of Socialist-Revolutionary Party, emigration, memories, D. Filosofov, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, M. Voloshin, A. Amfiteatrov, K. Vendzyagolsky

О Борисе Савинкове (1879–1925) – террористе и писателе – написано много, однако оценка его личности неоднозначна. Это объясняется как противоречивостью характера Савинкова, так и сложностью тех событий, участником которых он становился.

До революции он подпольщик, революционер, член боевой организации эсеров, неудачливый царевубийца. Во время Февральской революции – политический деятель Временного правительства, мечтавший о стремительной карьере

видного государственного деятеля. После Октябрьской революции он становится непримиримым противником Советской власти, сторонником белого движения, мечтающим о единой и неделимой России, членом Боевой организации партии социалистов-революционеров, участником многих террористических актов, ярким антисоветчиком. Как уполномоченный лидеров белого движения Савинков в начале 1918 г. создает в Москве конспиративный «Союз защиты Родины и свободы» с участием эсеров, меньшевиков, монархистов – по образцу масонских организаций (этот период деятельности описан им в книге «Борьба с большевиками», Варшава, 1920). Являлся организатором восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске в 1918 г.

Вот как писали о нем в советской печати в 1920-е гг.: «Б.В. Савинков был главным, быть может, единственным значительным в среде эмиграции врагом Советской России. Деятельность его была исключительной по масштабу... Савинков продолжает свою помощь русскому народу тем, что становится против него на сторону поляков. Это то знаменитое паломничество в Варшаву эмигрантских вождей всех мастей и оттенков, которое положило конец легенде об их патриотизме и навсегда оторвало их от русского народа... Приковать к себе взоры всей эмиграции, всей России, всего мира – вот это давало удовлетворение темпераменту Савинкова, этого громадного честолюбца, вот что влекло его в революцию, вот что спаяло его с ней... Б. Савинков должен был также признать, что и “Конь бледный”, как впоследствии “Конь вороной”, тоже были для него только ступени к алтарю славы. Эти романы – не средства политической борьбы и не средства художественного или нравственного совершенствования. Они тоже “цель в себе” для честолюбца»¹.

В середине января 1920 г. для переговоров с Ю. Пилсудским он приезжает в Варшаву, здесь создает Русский политический комитет, в состав которого вошли Д. Философов и генерал Станислав Булак-Булахович. Все они были сторонниками создания «третьей силы» – антибольшевистской и антицарской, находящейся в союзе с Польшей. Термин «третья сила» ввел Б. Савинков в одной из своих политических статей в газете «Свобода». Он был убежден, что в новой России не будет «ни царя, ни губернаторов, ни дворян, ни комиссаров, ни “ревкомов”, ни “чрезвычайек”». Россия станет страной более свободной, более сильной и более богатой, чем она была до сих пор: «За эту третью Россию я и борюсь»². «Рыцарем третьей России» называл Б. Савинкова в своих публицистических статьях, появлявшихся на страницах газеты «За свободу», один из лидеров русской эмиграции в Польше Д. Философов.

Русский политический комитет не представлял всю русскую эмиграцию в Польше, авторитет его держался в основном на популярности Б. Савинкова и относительно широкой известности Д. Философова. Б. Савинков поддерживал связь с польской интеллигенцией. Он хорошо знал Ежи Стемповского, Юзефа и Марию Чапских (Стемповский познакомил Савинкова с польскими масонами). Этому, безусловно, способствовало свободное владение польским языком (он окончил гимназию в Варшаве в 1897 г.; там до 1905 г. жили его родители).

Во время советско-польской войны 1920 года он помогает созданию Русской народной добровольческой армии, формирует вооруженные отряды, руководит русским политическим комитетом в Варшаве. В январе 1921 г. рождается новая

¹ Загадка Савинкова: Сб. / Под ред П.А. Арского. Л., 1925. С. 3.

² Савинков Б.В. Накануне новой революции: Сб. статей. Варшава, 1921. С. 7.

военная организация – «Народный союз защиты Родины и свободы», занимающаяся формированием вооруженных отрядов для борьбы с большевиками на советской территории. В 1921 г., разорвав с белым движением, он называет себя вождем «зеленых» – и против красных, и против белых.

Б. Савинков активно сотрудничает с газетой «Свобода», публикует здесь воспоминания из петербургского дневника 1918–1919 гг. о своей террористической деятельности. В 1921 г. в польско-русском издательстве «Россика» (Варшава) был опубликован сборник статей Савинкова «Накануне новой революции». Автор размышляет о крестьянской революции, о будущем России, о власти, о пассивности русской интеллигенции. «Страшны мы себе сами и мы сами виноваты в бедствиях наших...»¹ – пишет он в одной из статей. Себя и себе подобных он называет слугами России, утверждает, что лучше умереть с оружием в руках, чем признать советскую власть, примириться с «поруганием свободы»². В Русском политическом комитете публикуется политическая брошюра Б. Савинкова «Борьба с большевиками», сборники его статей «На пути к третьей России», «За Родину и свободу». М.П. Арцыбашев в одном из писем Б. Савинкову признавался, что он приехал в Польшу с твердым намерением сотрудничать с газетой «Свобода» только потому, что она была «савинковской»³. Он же отмечал, что Савинков – это «единственное и последнее из имен прошлого, которое произносится с интересом и некоторым упованием»⁴.

«Целью Савинкова было показать, – писал один из его варшавских соратников К. Вендзягольский, – что борьба молодой Польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы, а может быть, и демократии всего мира. Указание на оборонную войну давало Савинкову возможность говорить о проблеме русско-польского согласия как об историческом вопросе, чрезвычайно важном и неотвратимом ввиду большевицкой агрессии»⁵.

Вендзягольский с уважением относился к своему политическому единомышленнику, однако характеризовал его как «опытного игрока, знаменитого артиста, симулятора и художника всяческих жестов и подделок»⁶. Он же восхищался Савинковым-оратором. Так, побывав на его выступлении на собрании русской эмиграции и французских журналистов в Париже в 1919 г., в первую очередь Вендзягольский отмечал, что это речь «тонкого психолога»⁷, который «умел увлекать сердца и мысли слушателей, умел это делать на высокой ступени психологического и ораторского искусства»: «В своем выступлении он излагает основы борьбы с большевизмом. <...> Его речь, аргументы, голос, кажущийся зловещим шепотом, на всех производил впечатление, а пронзительный блеск его напряженных глаз приковывал взгляды присутствующих и врагов в одинаковой степени»⁸.

Савинков «утверждал, что борьба молодой польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы. Своими речами он умел всех увлечь. Многим не верилось, что этот типичный варшавяк по наружности, по ак-

¹ Савинков Б.В. Накануне новой революции. С. 4.

² Там же.

³ Арцыбашев М.П. Письма к Савинкову (1923–1924) // De visu. 1993. № 4. С. 51.

⁴ Арцыбашев М.П. Письма к Савинкову (1923–1924). С. 55.

⁵ Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72. С. 152.

⁶ Вендзягольский К. Савинков. С. 137.

⁷ Вендзягольский К. Савинков. С. 149.

⁸ Там же.

центу произношения, по духу языка и по характерному варшавскому юмору – не коренной поляк, а самый настоящий природный русский»¹.

Политическая деятельность Савинкова в Варшаве не принесла ожидаемого результата. Он не получает должной поддержки у Пилсудского, неудачей заканчивается также попытка создания народного Союза защиты свободы и отчизны.

«В самом сознании необходимости вывести русско-польские отношения из трагического бездорожья прошлого на разумные пути мира, взаимной дружбы и свободы Савинков пользовался каждой возможностью для реализации этого. Стремясь, с одной стороны, искоренить в сознании русских принципы насилия во имя собственного государственного благоденствия и величия, с другой, он старался разрушить боевое недоверие поляков ко всему русскому. Среди тех и других он искал единомышленников»² – так писал об этом периоде его жизни К. Вендзягольский.

Савинков обращается за помощью к англичанам, французам и чехам. З. Гиппиус, в своих воспоминаниях рассказывая об этой лихорадочной деятельности Савинкова, отмечала его непоследовательность в принятии решений, неразборчивость в выборе знакомых, чрезмерную резкость и надменность. Она отзывалась о Савинкове как о «плохоньком организаторе»³.

Из-за «внутренних дрызг, чепухи, общего неумения» ничем не закончилась деятельность Савинкова по формированию русских отрядов в составе польской армии. Остро переживал он сам факт польско-советского перемирия, а также решение польского правительства о высылке русских эмигрантов за границу. В результате им было принято решение уехать в Прагу, а затем и в Париж.

Но в 1924 г. для продолжения борьбы с большевиками Савинков нелегально вернулся в Россию, где и был арестован.

Существует и иная версия возвращения Савинкова – обязательство возвратиться на Родину для возрождения там масонства (подобное обязательство было возложено на всех русских членов масонской ложи в Париже).

В августе 1924 г. в Москве состоялся открытый судебный процесс. Савинкова приговорили к десятилетнему заключению. К всеобщему удивлению, Савинков признал себя виновным почти по всем пунктам предъявленного ему обвинения. Эти признания были подобны взрыву бомбы. Сразу после процесса советские газеты опубликовали статьи о «деле Савинкова». Так, 5 сентября 1924 г. в газете «Правда» появилась статья А.В. Луначарского «Артист авантюры». Им же написана вводная статья к книге Б. Савинкова «В тюрьме», изданной в 1925 г. Луначарский признает писательский талант Савинкова, его тонкую наблюдательность, способность живо откликаться на события. Он называет его летописцем революционной борьбы и контрреволюции. В мае 1925 г. советская печать сообщила о его самоубийстве. В 1924 г. газета «Свобода» напечатала текст обвинительного заключения и признания Савинкова на процессе в Москве. В этом же году в Харькове было опубликовано открытое письмо Савинкова Д. Философому, в котором он писал: «Я боролся как никто. Я прошел белое движение, я участвовал в зеленом, я занимался подпольной работой. И, в результате, – я глубоко разочаровался во всем... Бороться нельзя, да и не нужно. Раз не нужно – нужно признать Советскую власть»⁴.

¹ Вендзягольский К. Савинков. С. 150.

² Вендзягольский К. Савинков. С. 195.

³ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 340.

⁴ Письмо Б. Савинкова Д. Философому. Харьков, 1924. С. 13.

После подобных известий «Свобода» поместила подборку статей, авторы которых с возмущением говорили об отречении Савинкова. Так, Арцыбашев, тяжело переживавший случившееся, посвятил савинковскому делу и реакции на него русской эмиграции несколько статей, вошедших в цикл «Записки писателя»: «Гады ползучие», «Фельетонная совесть», «Письмо Савинкова», «Гоголевский чёрт и эсеровские ангелы». В последней статье он писал о Савинкове как о представителе партии эсеров и их пораженческой политике.

Три года спустя Д. Философов в своем дневнике записал: «История не так всевластна, как память. Давайте будем помнить Бориса Викторовича как человека, который хотел расширить человеческую свободу и исправить, так или иначе, то, что человек сотворил из человека»¹.

Савинков был сложной, крайне противоречивой фигурой. В нем как бы жило два человека: один яростно боролся с большевиками, отдав этой борьбе все свои духовные и физические силы (даже Уинстон Черчилль, лично знавший Б. Савинкова, вспоминает о нем в своей книге «Великие современники»), другой – тонкий, изломанный человек, писатель и поэт, создавший роман «То, чего не было» (1912), повести «Воспоминания террориста» (1909), «Конь бледный» (1909), «Конь вороной» (1924), сборник рассказов, стихи. Имя этого человека – В. Ропшин.

Английский дипломат и разведчик Р. Локкарт писал о нем: «...Савинков так долго прожил среди шпионов и провокаторов, что, подобно герою одного из его романов, в конце концов сам не мог разобраться толком, кого он, в сущности, обманывает – своих врагов или самого себя»².

Максимилиан Волошин познакомился с Савинковым в Париже в 1915 г. Он воспринял его как уникальную личность, как человека, отмеченного особым знаком судьбы: его судьба связана с высшими силами, хранима «волей звезд». Возникает тема трагического существования человека, на плечи которого легла непомерная тяжесть определять собственную судьбу. Находясь под впечатлением этой встречи, он написал стихотворение «Ропшин»:

Холодный рот. Щеки бесстрастной складки
И взгляд из-под усталых век...
Таким тебя сковал железный век
В страстных огнях и бреде лихорадки.
Таким ты был. Бесстрастный и мятежный –
В руках кинжал, а в сердце крест;
Судья и меч... С душою снежно-нежной,
На всех путях хранимый волей звезд³.

«Савинков – организатор “Большого террора”. Ропшин – автор романов, нанесших сокрушительный удар по “подпольной России”. Две России – подпольная и легальная – сошлись в одном человеке. Савинков-Ропшин – символ раздвоенной России, их судьбы неразделимы»⁴ – такую характеристику Савинкову дала одна из наших современниц, подчеркнув неразрывность судеб его и России.

Можно с полным основанием утверждать, что произведения Савинкова-Ропшина во многом автобиографичны. Как никто другой он мог рассказать в сво-

¹ Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 459.

² Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 167.

³ Волошин М. Облики // Русская мысль. 1917. Кн. 11–12. С. 135.

⁴ Могильнер М. Б. Савинков: «подпольная» и «легальная» Россия в перипетиях одной судьбы // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 81.

их книгах о кошмарной жизни революционера-террориста, с такой поразительной глубиной и откровенностью передать душевное состояние человека, идущего на убийство.

Литературную известность Савинкову принесла повесть «Конь бледный», напечатанная в «Русской мысли» в 1909 г. Известно, что название повести было предложено Зинаидой Гиппиус, так же как и литературный псевдоним – В. Ропшин. Проявил интерес к этой повести Л.Н. Толстой. В его библиотеке хранился экземпляр книги с пометками на полях.

Это сильная, правдивая книга, повествование о жизни террориста, целиком посвятившего себя одному делу – убийству очередной жертвы. Форма дневниковых записей позволяет автору раскрыть внутренний мир героя, его страшную разочарованность в жизни. Савинков делает своего героя трагической личностью, бесконечно одиноким человеком, которого гнетут разочарование и усталость, ненужность собственного существования. Он готов принять смерть, пожертвовать своей жизнью ради убийства генерал-губернатора – и в то же время постоянно и мучительно раздумывает над тем, может или нет человек пролить кровь другого. Толстовская позиция «не убий» находит здесь свое своеобразное преломление. В каждом террористе, по мысли автора, есть два начала: религиозно-жертвенное и расчетливо-профессиональное.

Рядом с ненавистью, ожесточением, фанатизмом в достижении цели в сердцах героев повести живут любовь, жалость, искренняя вера в бога. Один из них пишет в письме: «Я верю: не мечом, а любовью спасется мир, как любовью он и устроился. Но я не знал в себе сил жить во имя любви и понял, что могу и должен во имя ее умереть... Люди будут судить меня, и я жалею их. Кроме их суда, будет – верю – суд Божий. Мой грех безмерно велик, но милосердие Христа не имеет границ»¹.

Путем постоянного самоанализа, бесконечных мучительных размышлений главный герой приходит к выводу о бессмысленности, иррациональности своего существования, всей своей жизни. А рядом существует другой мир, полный красоты, любви, гармонии. Этот мир зовет, манит, привлекает своей прелестью и чистотой. Герой сознательно подавляет в себе желание нормально жить, наслаждаться жизнью, но иногда это прорывается наружу – и мир наполняется любовью к женщине, ощущением счастья от соприкосновения с природой. В повести много удивительно проникновенных, красочных описаний природы, тонких психологических наблюдений, но главное для автора – как можно полнее раскрыть нравственное состояние, внутренний мир человека, полный душевного надлома и мучений совести. Герой – мученик, изгой, страдалец за идею и одновременно убийца. Он утверждает, что нет любви, нет мира, нет жизни: «Есть только смерть, Смерть-венец и смерть – терновый венец». Герой воспринимает себя марионеткой на огромной сцене жизни. Марионетка сыграла свою роль и уходит из «скучного балагана». В одном из своих стихотворений Савинков определил свое душевное состояние словами: «Душа убита кровью». Это, безусловно, относится и к героям повести.

Многие литераторы восприняли повесть как своеобразный удар по революционному террору. Отрицательная рецензия А.В. Амфитеатрова на «Коня бледного» была опубликована в его сборнике «Заметы сердца» (Москва, 1909 г.). Позже в газете «За свободу» автор объяснял свое отношение тем, что «повесть, вышедшая

¹ Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С. 356.

из-под пера знаменитого террориста и, однако, почти отрицавшая смысл и моральную допустимость террора, показалась опасной бестактностью всем, кто в терроре видел необходимое ко времени средство борьбы с царским правительством»¹.

А Д. Мережковский в своей книге «Большая Россия» (1910) назвал повесть Ропшина «самой русской книгой современности, по какой можно судить о будущем России»². «Коня бледного» он оценивает так же высоко, как и произведения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Тема бессмысленной братоубийственной войны, мучительного осознания собственной страшной вины перед Россией нашла отражение и в следующей повести Б. Савинкова «Конь вороной». Выход в свет этой повести в польском издательстве «Оссолинеум» в 1924 г. стал, безусловно, событием литературной жизни эмигрантской Варшавы.

В предисловии к русскому изданию повести (написано в тюрьме) Савинков писал: «Повесть эта написана мной за границей в 1923 году. Я описывал либо то, что пережил сам, либо то, что мне рассказывали другие»³. Эта повесть не биография, но она и не художественный вымысел. Книга написана в форме дневниковых записей белого офицера, полковника Юрия Николаевича (Жоржа), возглавившего отряд для борьбы с большевиками во время Гражданской войны. Герой повести имеет много общего со своим создателем, являясь во многом и проекцией его личности, но и художественным обобщением.

Всё произведение строится на сопоставлении двух планов: прошлого и настоящего. Прошлая жизнь – это счастье, светлые человеческие лица, родной очаг, стихи Пушкина и Баратынского. Герой живет в двух мирах, в мире воспоминаний и в мире действительности, причем второму он отдается весь, подчиняя ему первый. Настоящее – это кровь, жестокость, человеческие страдания. Этот план постепенно вытесняет всё светлое в душе героя. Становятся расплывчатыми лица, исчезают из памяти события. Замыкается круг жизни героя повести. «Чего я достиг? – восклицает он. – Позади свежевырытые могилы. Впереди... Что ожидает меня впереди? Труден путь и далек, и не видится и не предчувствуется конца»⁴.

Самым частым знаком повести является вопросительный. Ради чего умирают люди? Ради чего все костры, пытки, расстрелы? Ради России, ради будущего. Но какого будущего? Этого не знают герои повести, не знает и сам автор. Полковник Юрий Николаевич живет в мучительном разладе с самим собой, сжигаемый ненавистью к врагам, которых называет «бесами». Это чувство ненависти толкает героя на самые страшные поступки, делает его жестоким и бесстрастным. Но часть его души все же остается способной воспринимать музыку, чувствовать красоту мира, любить «синеву далекого леса, оттепель и болотный туман».

У героя острый взгляд, его трогает любой штрих в окружающей природе, всё вызывает в нем ответное чувство. И есть еще любовь, которая относится к «вечной», благословенной жизни, оставленной им в далеком прошлом. Жорж любит и ненавидит одновременно. Он любит свои воспоминания и ненавидит настоящее, в котором любимая женщина оказывается его идейным врагом.

Не менее трагичной личностью, чем полковник Жорж, является и другой герой книги – ординарец Федя. Трагедия этого человека в том, что он не знает, почему

¹ Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. 1924. 21 июня. С. 2.

² Мережковский Д. Большая Россия. СПб., 1910. С. 43.

³ Савинков Б.В. Конь вороной. Л., 1924. С. 46.

⁴ Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б. В. Избранное. М., 1990. С. 249.

он борется против большевиков, и в то же время люто их ненавидит. Этот человек одинаково легко вешает коммунистов и идет под пули, а в свободное время он рисует «картинки», воплощая в них свои нереализованные мечты.

Интересен образ Ивана Лукича, из коммуниста превратившегося в бандита. Для своих повестей «Конь бледный» и «Конь вороной» писатель выбирает два эпиграфа из Евангелия; один из них повторяется: «...кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза». В произведении отражена трагедия гражданской войны, когда брат убивал брата, когда рушились нравственные устои жизни. Герои повести Ропшина находятся во тьме. Они трагически одиноки и несчастны от безысходности избранного ими пути. Образ всадника на вороном коне в конце повести, имеющий «меру в руке своей», воспринимается как символ приближающегося конца. Это мера ответственности человека за свои поступки, определение своего истинного пути.

Хотел этого писатель или не хотел, но каждая страница произведения кричит о том, что убийство – это тяжкий грех, что в мире относительных ценностей есть одна высшая – это человек. Во имя сохранения человека и написана эта повесть.

Большое значение Савинков придавал языку произведения: «Над языком надо работать, языку надо учиться, как художник учится технике, рисунку. Хотят писать для масс. Это правильно. Но массы, как и отдельный человек, скорее воспримут ясную речь, чем несвязное бормотание»¹. Писатель признавался, что каждую страницу он переписывал и исправлял не менее 15 раз. «Можно сказать, – отмечал он в письме к Амфитеатрову, – высидел повесть горбом»². Он был чрезвычайно требователен к себе, поэтому считал, что все им написанное не выдерживает никакой критики.

Находясь в тюрьме, Б. Савинков пишет рассказы, опубликованные в Москве в 1924 г., под общим названием «Последние помещики», «Посмертные рассказы». В них он рассказывает о серой, неприглядной жизни русской эмиграции на чужбине, подробно описывает быт, нравы, взаимоотношения людей. Все эти «ответственные» военные, бывшие чиновники живут иллюзией вернуть прошлое, упорно не желая разглядеть настоящее, понять бессмысленность, бесплодность подобных мечтаний. Савинков критикует русскую эмиграцию, но одновременно и жалеет ее, понимая, что она обречена.

Первое время после гибели Савинкова его книги выходили и в Советской России. Так, в 1926 г. были изданы статьи и письма, а также книга его воспоминаний. Позже в Советском Союзе произведения Савинкова-Ропшина уже никогда не издавались.

Но, пожалуй, настоящим открытием писателя В. Ропшина явилось посмертное издание книги стихов с предисловием Зинаиды Гиппиус, вышедшее в Париже в 1931 г.³ В этой книге холодный, властолюбивый, замкнутый в себе человек с сухим, каменным лицом «не то актера, не то иезуита», расчетливый профессионал от терроризма, предстает перед читателем легко ранимым, страдающим, непомерно несчастным человеком.

Зинаида Гиппиус в предисловии к книге писала: «Не много из отмеренного ему времени мог уделить он стихотворчеству, однако и в нем сумел как-то отразиться весь, со всей жизнью, с ее центральным трагическим острием. Это острие почти всегда обнажено, лишь порою бывает прикрыто сложностями жизни и души, а в

¹ Дневник Бориса Савинкова. 15.4.1925 г. // Гласность. 1990. № 2. С. 38.

² Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее: Альманах. М.; СПб., 1993. С. 123.

³ Гиппиус З.Н. Предисловие // Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов. Париж, 1931. С. VIII.

ней было, кажется, от всего, что только бывает в человеческой душе, но всего в непомерностях: тьмы и света, слабости и силы»¹. В этих стихах отразилась вся трагедия души Савинкова: «Так близко, что даже ее видения и кошмары кажутся нам плотью»².

Гиппиус отмечала необыкновенную наблюдательность Ропшина, умение «угадать и схватить то, что оказывалось ему в данный момент нужным, и мгновенно претворить в собственную действенную силу»³.

Основными темами стихотворений Ропшина становятся тоска по утраченной Родине, одиночество героя, оказавшегося в страшном и чуждом ему мире:

Нет Родины – и все кругом неверно,
Нет Родины – и все кругом ничтожно,
Нет Родины – и вера невозможна,
Нет Родины – и слово лицемерно...⁴

Лирика Савинкова – своеобразная исповедь, которая покоряет искренностью и неподдельным страданием, герой жаждет «забвения», представляя свою жизнь как сплошное «искушение». Лирический герой его стихотворений – одинокий путник, сбившийся с пути, страдающий за свои грехи, за всё содеянное в жизни. Он беззаветно и мучительно любит Россию, ненавидит ложь, фальшь и притворство, старается напомнить в стихах об ответственности человека пред самим собой. Настрадавшаяся душа поэта ищет мира, успокоения, веры:

Железные люди бьются
И алая кровь струится
Я бы хотел проснуться
И помолиться...⁵

Называя стихи Ропшина «необычными стихами», З. Гиппиус писала, что и подходить к ним надо не с обычными требованиями и судом: «Тому, кто не ищет в стихах только эстетического наслаждения, книга Ропшина дает больше: она может открыть ему новое о душе человека, о трагедии жизни – и смерти»⁶:

Я не верю, я не знаю
Я камин свой зажигаю,
Освещаю темный лик...
Где пугливый мой двойник?
Я один. Нет никого.
Эта комната пустая...
Никого нет... Никого
Это сердца моего
Фотография живая...⁷

Лирический герой осознает свои грехи, пытается подавить в себе чувство обреченности:

Никогда не свершится божье чудо,
Никогда не простится мой грех Исава,

¹ Гиппиус З.Н. Предисловие. С. VIII.

² Гиппиус З.Н. Предисловие. С. IX.

³ Там же.

⁴ Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов. Париж, 1931. С. 78.

⁵ Там же.

⁶ См.: Гиппиус З.Н. Предисловие // Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов. Париж, 1931. С. I–XII.

⁷ Там же.

Голубая отравка
Сразу
Меня убила...
Пожалей меня, мальчик мой милый...¹

Лирике Ропшина-Савинкова не чужды также интимные переживания, любовь как главное проявление духовной жизни человека:

Ее жемчужное кольцо
Играет тенью перламутра.
Я в это пасмурное утро
Увижу милое лицо.
Полуласкающие руки,
Полувлюбленные уста,
В глазах предчувствие разлуки,
Пресыщенность любовной скуки,
Восторг любовного креста².

Сложный и во многом противоречивый мир героев книг Савинкова открывается читателю. Исчезает стереотип, сложившийся в сознании не одного поколения. Место фанатичного и жестокого врага Советской власти, известного террориста занимает другой человек, очень сложный, часто ошибающийся, обладающий несомненным писательским даром. В судьбе Ропшина-Савинкова, а также в судьбе героев его произведений отразилась многострадальная история России.

ЛИТЕРАТУРА

- Загадка Савинкова: Сборник / Под ред. П.А. Арского. Л., 1925. 96 с.
- Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. 57 с.
- Арцыбашев М.П. Письма к Савинкову / Предисл., подгот. текста и примеч. Д.И. Зубарева // De visu. 1993. №4. С. 49–69.
- Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 71. С. 133–155; № 72. С. 168–197.
- Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. Тбилиси, 1991. 382 с.
- Письмо Б. Савинкова Д. Философову. Харьков, 1924.
- Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 44–459.
- Локкарт Р. Буря над Россией: исповедь английского дипломата / Пер. с англ. В. Гольденберга. Рига: Жизнь и культура, 1933. 346 с.
- Волошин М. Облики // Русская мысль. 1917. Кн. 11–12. С. 135–138.
- Могильнер М. Б. Савинков: «подпольная» и «легальная» Россия в перипетиях одной судьбы // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 79–89
- Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Избранное. М., 1990.
- Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. 1924. 21 июня.
- Мережковский Д. Больная Россия. СПб., 1910. 280 с.
- Савинков Б.В. Конь вороной. Л., 1924. 46 с.
- Дневник Бориса Савинкова. 15.4.1925 г. // Гласность. 1990. № 2.

¹ Крылов Г. Загадка поэта-террориста // Поэзия: Альманах. 1990. № 55. С. 195.

² Савинков Б.В. Стихи // Поэзия: Альманах. 1990. № 55. С. 13.

Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее: Альманах. М.; СПб., 1993. С. 73–158.

Гиппиус З.Н. Предисловие // Ропшин В. (Б. Савинков). Книга стихов: (Посмертное издание). [С предисл. З. Гиппиус.] Париж: [Родник], 1931. С. I–XII.

Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов: (Посмертное издание) [С предисл. З. Гиппиус]. Париж: [Родник], 1931. XII, 84, [6] с., 1 л. портр.

Крылов Г. Загадка поэта-террориста / Г. Крылов; вступ. ст.: Б. Савинков // Поэзия: Альманах. 1990. № 55. С. 190–194.

Савинков Б.В. Стихи // Поэзия: Альманах. 1990. № 55.

REFERENCES

- The Enigma of Savinkov. Ed. P.A. Arsky. Leningrad. 1925. 96 p.
- Savinkov B.V. (1921) On the Eve of a New Revolution. Warsaw. 57 p.
- Artsybashev M.P. Letters to Savinkov. Preface, comments by the production editor D.I. Zubarev. *De Visu*. 1993. No 4, pp. 49–69.
- Vendzyagolsky K. Savinkov. *Novyj Zhurnal*. 1963. No 71, pp. 133–155; No 72, pp. 168–197.
- Gippius Z. (1991) The Lively Faces. Memories. Vol. 2. Tbilisi. 1991. 382 p.
- A Letter of B. Savinkov to D. Filosofov. Kharkov, 1924.
- Durrant D.S. On the Materials from the Archive of D.V. Filosofov. In: *Litsa. Biographical Almanac*. Moscow; St.-Petersburg. 1994, pp. 444–459.
- Lockhart R. (1933) Storm over Russia. Confessions of a British Diplomat / Translation from English of B. Goldenberg. Riga. *Zhizn i Kultura Publ*. 346 p.
- Voloshin M. Obliki. *Russkaya Mysl*. 1917. Vol. 11–12, pp. 135–138.
- Mogilner M. B. Savinkov: «Underground» and «Legal» Russian in the Twists and Turns of Fate. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 1995. No 4, pp. 79–89.
- Savinkov B.V. Kon Blednyj. In: Savinkov B.V. (1990) Selected Works. Moscow.
- Amfiteatrov A.V. Dva Konya. *Za Svobodu*. 1924. June 21.
- Merezhkovsky D. (1910) Morbid Russia. St.-Petersburg. 280 p.
- Savinkov B.V. (1924) Kon Voronoy. Leningrad. 46 p.
- The Diary of Boris Savinkov. 15.4.1925. *Glasnost*. 1990. No 2.
- Amfiteatrov and Savinkov: Correspondence 1923–1924. *Minuvsheye: Almanac*. Moscow, St.-Petersburg. 1993, pp. 73–158.
- Gippius Z.N. Foreword. In: Ropshin V. (Savinkov B.) The Book of Poems. Paris. 1931, pp. I–XII.
- Ropshin V. (Savinkov B.) (1931) The Book of Poems: (Posthumous ed.) [With a foreword of Z. Gippius]. Paris. Rodnik Publ. XII, 84, [6] p., and portrait.
- Krylov G. The Enigma of Poet-terrorist [Introductory article: B. Savinkov. Poems]. In: *Poetry: Almanac*. 1990. No 55, pp. 190–194.
- Savinkov B.V. Poems. In: *Poetry: Almanac*. 1990. No 55.

Сведения об авторе:
Ольга Валерьевна Розинская,
канд. филол. наук
старший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Rozinskaya,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Moscow State Lomonosov University
o.rozinskaya@mail.ru